

HISTORY - ИСТОРИЯ

АВРААМ ШМУЛЕВИЧ

Политолог (Израиль)

ИСТОРИЯ РУССКО-ЧЕРКЕССКОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.07>

«Сочи — земля геноцида!», «Нет Олимпиаде на крови!», «Путин, не пытайся построить свой авторитет на черкесских могилах!», «Свободу и право Черкесии!» — эти лозунги впервые были показаны камерами ведущих мировых ТВ каналов 4 октября 2007 г., когда одновременно в США и Турции прошли массовые демонстрации протеста черкесской диаспоры против проведения Олимпиады в Сочи. Более 200 человек вышли на акцию протеста перед зданиями российского посольства в Стамбуле, российского консульства и офиса ООН в Нью-Йорке. [Черкесская диаспора провела в США и Турции акции протеста против политики России на Северном Кавказе. «КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ» от 7/10/2007].

Можно быть уверенным, что для подавляющего числа россиян эта новость осталась абсолютно непонятной — как это вдруг «все-союзная здравница» Сочи оказалась землей какого-то геноцида, чья кровь имеется ввиду, и кто такие вообще эти черкесы.

Но незнание истории, как известно, не освобождает от исторической ответственности.

Еще полтора столетия назад слов «черкес» знал на Руси каждый. Большинство современных курортных поселков на черноморском побережье были возведены в ходе Кавказской (русско-черкесской) войны как русские крепости. И почти все эти крепости были на том или ином этапе войны захвачены горцами — черкесами.

Ныне же в восприятии рядового россиянина слово «черкес» осталось лишь в составе русских фамилий, ведущих своё происхождение от черкесов (сама известная — род князей Черкасских), да в названии маленькой кавказской республики Карачаево-Чекресия, не очень часто мелькающей в новостях. Кто

такие «карачаево-черкесы» и где все это точно распложено — знает не каждый.

К сожалению, российские политики, чиновники, отвечающие за «национальный вопрос», депутаты Госдумы, как показывает опыт, также осведомлены не лучше, чем «рядовые граждане» — то есть никак.

Между тем «черкесский вопрос» был до 1870-х годов на протяжении более чем века главной военной, экономической и политической проблемой Российской империи. Ныне он имеет все шансы вновь стать фитилем, от которого может разгореться «подземный пожар» на Кавказе (как охарактеризовал ситуацию в регионе Владислав Сурков).

* * *

Адыги, они же черкесы — весьма интересный народ.

Их предки были автохтонным населением северо-западного Кавказа и Восточного Причерноморья. Адыги — самоназвание, прочие этнонимы были присвоены им окружающими народами. В России их обычно именовали черкесами, именуют и сейчас в западных языках.

Ближайшие и единственные их родственники — абхазы. Адыгский язык вместе с абхазским выделяется в отдельную северо-западную группу иберийско-кавказских языков и весьма своеобразен, и сложен — 2-3 гласных и до 80 согласных.

Черкесия (Адыгэ Хэку по-адыгски) — это географическое и политическое понятие, включавшее в себя территорию от Тамани до впадения реки Сунжа в Терек и обозначавшее место исторического обитания адыгского народа. Течением реки Лаба Черкесия разделялась на Восточную (куда включались терри-

тории Кабарды и Бесленея) и Западную (в которую входили Темиргой, Бжедугия, Хатукай, Абадзехия, Большая и Малая Шапсугия, Натухай, Убыхия и некоторые другие территории). Таким образом, Черкесия занимала всю западную и центральную часть Северного Кавказа, т.е. еще в середине 19 века адыги занимали, в числе прочего, современное черноморское побережье Кавказа.

История адыго-русских взаимоотношений насчитывает много веков.

В VIII—X веках адыги жили в Прикубанье, в том числе вблизи Тмутараканского княжества. Известен ряд военных походов (965, 1022) русских князей на адыгов-касогов, упоминаются они и в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве».

В Куликовской битве (1380-й г.) в войсках Мамай, в числе прочих сражались касоги (черкесы).

В 16 веке часть черкесских феодалов заключила военно-политический союз с Русским государством, а дочь главного князя Кабарды Темруко Идара Мария стала супругой царя Ивана Грозного.

Существуют гипотеза [См. Темботов А. «Анализ попыток создания адыгского государства»], что, кроме целей военного сотрудничества против Крымского ханства, кабардинцы (адыги-черкесы) при заключении военно-политического союза с Россией ставили еще цель повторения мамлюкского сценария, осуществленного адыгами в Египте. Мамлюки, т.е. офицеры и воины адыгского и тюркского происхождения, служившие арабским правителям Египта, тогда свергли их, и попросту захватили власть в стране. То же самое предполагалось сделать и в Московии. После женитьбы Грозного тысячи черкесов устремляются в Москву. Черкасская слобода в Москве насчитывает уже 400 дворов. Формально при Иване Грозном Россией 8 лет правил Симеон Бекбулатович, полу-черкес, внук отца жены Грозного Темрюка, от второй дочери, бывшей замужем за ханом Ногайской Орды. Реализации этого сценария в России помешала ранняя смерть наследника русского престола, рожденного адыгской княжной Марией. Но еще и после воцарения династии Романовых большое количество выходцев из Черкесии за-

нимали высшие должности в Боярской Думе и приказах.

После восшествия на престол Петра I Российская империя ставит основной государственной задачей выход к морям, как к северным, так и к южным — Черному и Каспийскому.

К концу 18 века область расселения адыгов (Черкесия) охватывала земли от Тамани на западе до восточного побережья Каспия на востоке, включала земли в бассейне Кубани и по Восточному Причерноморью на северо-запад от современного Сочи. Ещё в XV—XVI вв. часть адыгов, изначально живших на западе Кавказа, переселилась на северо-восток, где образовались феодальные княжества Большая и Малая Кабарда.

Датой начала Кавказской войны, точнее, современного, идущего и по сию пору её этапа, является 1763 год, когда на левом берегу реки Терек, на адыгских землях, русскими была заложена крепость Моздок. Крепость стала первым звеном Азово-Моздокской укрепленной линии, на которой, к тому же, были расселены казаки.

В результате русско-турецкой войны 1735-1739 г.г., по Белградскому мирному договору между Россией и Турцией в 1739 г. Большую и Малую Кабарду признали независимой от обеих империй — Российской и Османской.

Вполне естественно, адыги претендовали на суверенитет над своими землями.

Название Моздок происходит от кабардинского «мэз дэгу» — «глухой (тёмный) лес», и, как показала дальнейшая история, место оказалось так названным не случайно — ибо оно, видимо, обладало какими-то особыми свойствами.

Мало того, что основание Моздока стала той искрой, из которой запылал грандиозный пожар столетней Кавказской войны.

Именно Моздоком связана «точка невозврата» в цепи событий, ставших началом кровавой эпопеи пугачёвского восстания.

8 февраля 1772 года через Моздок проезжал никому неизвестный тогда казак Емельян Пугачев. Направлялся он в Петербург по поручению переселившихся на Терек донских казаков, чтобы передать в Военную коллегию просьбу об улучшении их положения и увели-

чения хлебного и денежного жалования. Для Пугачева это была, как оказалось, последняя попытка «встроиться в систему». Утром 9 февраля при выезде из Моздока он был арестован, посажен на гауптвахту и прикован цепью к стулу. На цепи он просидел три дня, после чего ему удалось бежать. А уже через год Пугачев объявился среди яицких казаков грозным предводителем народного восстания. (Буганов В.И..Пугачев. М., Молодая гвардия. Серия: Жизнь замечательных людей. 1984 г. С. 7).

Моздок был основана на землях, принадлежавших кабардинским князьям, переход одного из них в христианство (за это его наградили чином подполковника с приличным жалованием, золотой медалью и титулом князя Черкасского-Кончокина) и послужил русским формальным основанием и для «присоединения» его земель к Империи, и для строительства крепости.

Ни сам предлог, ни, конечно, факт аннексии не понравился кабардинцам, и они попытались восстановить статус-кво. Сам новоиспеченный князь Черкасский-Кончокин был заочно приговорен к смерти, его имущество объявлено вне закона, т.е. всякий мог его теперь ограбить, обратить в рабство его подданных, и увести скот.

Однако наступление на Кавказ рассматривалось в Петербурге как стратегическая необходимость ввиду длившихся не одно десятилетие русско-турецкий и русско-персидских войн.

Но новооснованная крепость отрезала черкесов от их пастбищ, соляных озер, нарушала традиционную систему землепользования.

Как пишет выдающийся русский историк Кавказской войны начальник генерального штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Василий Александрович Потто:

«Русское правительство считало моздокское урочище вне кабардинских владений, основываясь на белградском договоре с Турцией, а кабардинцы присваивали его себе.... В 1764 году кабардинцы отправили в Петербург своих депутатов. ... Депутаты жаловались на стеснения, выявленные постройкой Моздока, основывая права свои на Моздокское урочище

тем, что они издавна пользовались там лесом и пастбищами. Им отвечали категорически, что это доказывает только снисходительность русского правительства, дозволявшего кабардинцам пасти свой скот. Однако же, желая смягчить хоть немного резкость такого отказа и вместе с тем задобрить кабардинцев, депутатам вручили в знак императорской милости три тысячи рублей для раздачи их на общем собрании народа всем владельцам и узденям в награду за помощь, оказанную при усмирении чеченцев в 1757 году. Отказ, объявленный депутатами на собрании народа, так раздражил кабардинцев, что они, не приняв трех тысяч рублей, удалились в верховья Кумы и, соединившись с закубанцами (т.е. тамошними адыгами-черкесами — А.Ш.), до конца 1779 года производили набеги на всем протяжении наших границ. И первый набег их в июне 1765 года отличался таким необычайным упорством и дерзостью, которые только и можно объяснить себе еще не остывшим раздражением, вызванным неудачей ходатайства. ... шесть недель стояли под стенами Кизляра, грабя и опустошая его окрестности». [Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Т. 1 Гл. IV. Генерал Медем (Кавказская линия с 1762 по 1775 год. СПб., 1885.)]

Начался первый этап Большой Кавказской войны — 14-летняя война с кабардинцами (1765- 1779 годы), во время которой Кавказская линия была продлена и образовано новое казачье войско — Моздокское, размещенное на землях Кабарды.

6 октября 1768 года вспыхнула очередная русско-турецкая война.

И уже в апреле 1769 года в районе Кубани отряды кабардинских князей объединились с отрядами западных адыгов и пошли походом на Моздок.

В этот момент регулярных русских войск на Кавказе было очень мало. Границы Империи защитили калмыки, чьи многочисленные улусы приняли живейшее участие в боевых действиях. Калмыцкий хан Убаша с 20.000 всадников выступил на встречу адыгского ополчения, двигавшегося на Моздок.

Битва произошла 29 апреля 1769 г. на р. Калаус.

«Калмыцкий хан Убаша, со всей своей двадцатитысячной конницей, стоял уже на берегах Калауса и зорко следил за противником.

Бой произошел двадцать девятого апреля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкие, «как черти», калмыки превосходили своей воинственностью все азиатские народы и представляли собой противников опасных и грозных. Само собой разумеется, что бой при таких условиях должен был скоро решиться. Черкесы дали тыл, и калмыки надели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и выюки — все это осталось в руках победителей.

Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его Курганом победы, а на той стороне Калауса, где кончилась битва, — другой курган, который был назван им Курганом пиршества».

В дальнейших боевых действиях главную силу составляли именно «двадцать тысяч калмыков, которые хотя не подчинялись ему (русскому командующему генералу И.Ф. де Медему — А.Ш.) непосредственно, однако же ему поставлено было в обязанность «командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было приметно». (Искусство, ныне полностью утраченное новыми русскими наместниками Кавказа). [Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Т. 1 Гл. IV. Генерал Медем (Кавказская линия с 1762 по 1775 год. СПб., 1885.)

В нескольких последующих кровопролитных столкновениях черкесы были разбиты окончательно, большая их часть присягнула на верность России.

Екатерина II придавала большое значение этим победам. В письме Вольтеру от 22 сентября 1769 года она радостно сообщила, что горцы приняли подданство России и в крае воцарился вечный мир.

...От Екатерины великой до Рамзана Кадырова тянется эта долгая череда реляций о «воцарении окончательного спокойствия на Кавказе»...

Но отдохнуть черкесы не дают; То скроются, то снова нападут.

Они, как тень, как дымное виденье, И далеко и близко в то ж мгновенье.

М. Ю. Лермонтов. «Черкесская песня». Полное собрание сочинений, том 2. Стр. 282. Гос. изд-во художественной литературы. Москва, 1956 г.

Несмотря на победные реляции генералов «Царя-Женщины» (как называли Екатерину II черкесы), присоединение Кабарды, начатое строительством Моздока, заняло 59 лет.

Лишь в 1822 году Кабарда была окончательно завоевана. «Победу русского оружия» дала лишь разразившаяся (возможно, специально вызванная) среди адыгов эпидемия чумы, она унесла 90% населения и от трёхсот тысяч жителей Кабарды осталось тридцать тысяч. [Рапорт гн. Дельпоццо Тормасову 16.04.1811]

Через семь лет настал черёд и западных черкесов.

В 1829 г. завершилась очередная русско-турецкая война 1828 -1829 гг.

Согласно четвертой статье Адрианопольского мирного договора Россия получила в «вечное владение» все восточное побережье Чёрного моря от устья Кубани до пристани святого Николая (южнее современного Поти) с крепостями Анапа, Суджук-кале (в 1839 г укрепление Суджук-Кале было переименовано в Новороссийск) и Поти, включая земли черкесов.

Приобретение было весьма сомнительным.

Мало того, что этот договор повлек за собой вмешательство Англии и Франции в кавказские дела против России, т.к. явился открытым нарушением лондонского договора от 6 июля 1827 года между Россией, Англией и Францией, по которому Россия обязалась не делать никаких попыток к территориальному расширению за счет Турции. Главное же, что, кроме указанных морских крепостей, Турция никогда не контролировала земли черкесов. Когда те узнали, что в каком-то неизвестном им Адрианополе неизвестные дяди передали их в русское подданство, то очень удивились.

Когда же русские попытались овеществить это подданство — черкесы взялись за оружие.

Федор Федорович Торнау, впоследствии генерал-лейтенант и писатель-этнограф, а в ту пору молодой офицер, вспоминает:

«Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятною. Горцы говорили: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить».

Десять лет спустя, когда черкесы уже имели случай коротко познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший в то время черноморскою береговою линией, пытаясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: «Султан отдал вас в пеш-кеш, — подарил вас русскому царю». «А! Теперь понимаю, — отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. — Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» Этим кончились переговоры.

Очевидно было, что при таком стремлении к независимости одна сила могла переломить упорство черкесов. Война сделалась неизбежною. Оставалось только сообразить необходимые для того средства и отыскать лучший путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа». [Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера». Гл. 1. М., 1865]

Николай I в рескрипте от 25 сентября 1829 г. на имя И. Ф. Паскевича, в то время главнокомандующего на Кавказе, повелевал:

«Кончив, таким образом, одно славное дело (войну с Турцией), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Кончить это «другое славное дело» удалось, однако, не скоро.

Николай, во всяком случае, до этого мо-

мента не дожил.

Как не дожило еще несколько сот тысяч человек.

«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах.

Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение.

Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?

Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением.

Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров» — писал Пушкин в первой главе «Путешествия в Арзрум».

Миссионеров, впрочем, никто не посылал, посылали пехоту, артиллерию и кавалерию.

Война была крайне тяжёлой и велась в крайне тяжёлых для русских условиях. Назва-

ния Пицунда и Гагра вызывали тогда ужас в России.

Служивший в Гагре в 5-м Черноморском батальоне писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, «Письма из Гагр»: «Не знаю, как-то перенесу я предлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гагре и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского побережья. Места эти имеют только морем сообщение между собой, и то чрезвычайно редко... Полтора комплекта в год поедается там цингою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более 2-х лет или после 2-х лет возвратился бы без страданий до конца жизни, а жизнь коротка после Гагр».

С 1834 в течение пяти лет русские построили цепь береговых фортов, призванных полностью блокировать черкесов с моря. Среди прочих в 1838 году был заложен, на месте существовавшего минимум с VI-го века черкесского поселения, форт Александрия — теперешний город Сочи.

Официально Черноморская Береговая линия была открыта в 1839 году. Уже в 1840-м большая часть ее фортов была штурмом взята черкесами.

Из показаний выкупленного из плена казака Василия Корнеенко о взятии горцами Михайловского укрепления в 1840 году:

«Поутру, тотчас по пробитии зари, необозримая толпа горцев, вероятно, еще ночью залегшая под укрепление, мгновенно чикнула и бросилась на вал. Все строения вдруг загорелись, провиантские бунты и сараи подожжены были нашими. У казаков было по 30, а у солдат по 60 патронов, вскоре все были выпущены. Тут в одну минуту горцы выломали двери, влезли на бруствер и на крышу. Я был схвачен, и меня проводили через все сборище. И видел я между горцами множество наших дезертиров, которые все были вооружены и действовали с ними заодно. В это время последовал взрыв порохового погреба». [Цит. по: Б.И. Соболев. «Штурм будет стоять дорого... Кавказская война в лицах». М., 2001. Стр. 53-54.]

Этот взрыв прогремел тогда на всю Россию.

Рядовой Архип Осипов со словами «Пора,

братцы! Кто останется жив — помните мое дело!» бросил горящий фитиль в пороховой погреб и взорвал себя вместе с нападавшими.

Осипов впервые в истории Русской армии был навечно зачислен в списки полка. В приказе №79 военного министра А. И. Чернышева значится:

«Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова, который семейства не имел, его императорское величество высочайше повелеть соизволил сохранить навсегда имя его в списках 1-й гренадерской роты Тенгинского пехотного полка, считая его первым рядовым, и на всех переключках при спросе этого имени первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Между прочим, одновременно с Осиповым в Тенгинском 77-м Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича пехотном полку служил Михаил Лермонтов.

Михайловское укрепление было переименовано в Архипоосиповку.

Ныне бывшая крепость превратилась в курортный поселок, на месте всеми забытых подвигов располагается санаторий и пансионат.

В течение первой половины 1850 года горцы нанесли еще ряд чувствительные поражения русским войскам. Весной 1851 года русские переходят в широкомасштабное контрнаступление.

Но во время Крымской войны, в конце апреля 1854 г., было решено «Черноморскую Береговую линию упразднить, форты взорвать, а гарнизоны снять», что и было исполнено в течение месяца. Лишь Анапа и Новороссийск оставались занятыми русскими войсками.

В 1859 г. война на Северо-Восточном Кавказе завершилась капитуляцией и пленением имама Чечни и Дагестана Шамиля.

Русские получили возможность сконцентрировать все свои силы против черкесов. Методы применялись примерно те же, что и в Чечне. Но война на Северо-Западном Кавказе против адыгов (черкесов) продолжалась еще пять лет.

Наконец, 21 мая 1864 года в урочище Красная Поляна близ Сочи, где тогда располагался адыгский аул Кбааде, а ныне — горнолыжный курорт, один из ключевых объектов Олимпиады, соединились четыре мощных русских отряда, завоевывавших Западный Кавказ с четырех разных направлений. День этой встречи, 21 мая 1864 года, и был объявлен днем окончания Кавказской Войны.

Расположенное на высоте 550 метров над уровнем моря, урочище Красная Поляна была древним культовым местом адыгов, там, в числе прочего, располагались древние родовые кладбища. Даже сейчас в Красной Поляне сохранились дольмены и развалины древних сооружений.

Место было символичным, и победители решили добавить еще и своей символики: именно здесь Великий князь Михаил Николаевич, брат царя, официально провозгласил об окончании Кавказской войны. Состоялись торжественный молебен и военный парад.

Территория, занятая адыгами, считали в Петербурге, имела ключевое значение и с геополитической точки зрения — как плацдарм для дальнейшего движения России на Юг.

Но опыт более чем столетних боевых действий на Кавказе показал, что горцы очень быстро оправляются от поражения, и буквально через несколько лет после «окончательного разгрома» вновь готовы к войне — причем войне той же степени интенсивности, что и до «поражения».

Но столетняя кавказская война и так стоила России очень дорого.

«В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен иррегулярных; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных, 242 полевых орудиях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. рублей» — вспоминал Дмитрий Алексеевич Милютин, в ту пору уже граф и военный министр.

В конце войны российская армия на Кавказе насчитывала 300 тыс. человек, ежегодные потери составляли по 30 тыс. человек. На войну уходила шестая часть всего государственного дохода. [Д. А. Милютин. Воспоминания.

1856—1860. М., 2004. С. 198]

Возобновления широкомасштабных боевых действий на Кавказе, да еще ввиду намечавшихся реформ, экономика Российской Империя просто могла бы не выдержать.

И царское правительство приняло решение: полностью очистить Западный Кавказ от горцев.

Впервые идея о выселении горцев Западного Кавказа была сформулирована еще в 1857 году тогдашним начальником главного штаба Кавказского корпуса Дмитрием Алексеевичем Милютиным в специальной записке «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен».

В поздравительном письме от 21 мая 1864 г. Александру II по случаю окончания Кавказской войны наместник на Кавказе князь А. И. Барятинский предлагал:

«Без потери времени и, насколько возможно, выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда». [Русский архив. 1890, кн. 3, с. 389, цит. По: Ф. Бадерхан. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иорданни (вторая половина XIX — первая половина XX века). М, Институт востоковедения РАН. 2001, с. 22]

Генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев (1824-1883), участник боев с черкесами, официальный военный историк (в 1860 г. по поручению главнокомандующем на Кавказе князе А. И. Барятинском он написал официальную историю Кавказской войны, вышедшую в свет под заглавием «Шестьдесят лет кавказской войны») и видный консервативный публицист первых пореформенных десятилетий [См. монография о нём: Кузнецов О.В. «Р.А. Фадеев: генерал и публицист». — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. — 182 с.], писал:

«Цель и образ действий в задуманной войне были совсем иные, чем покорение восточного Кавказа и во всех предшествующих походах. Исключительное географическое положение черкесской стороны на берегу европейского моря, приводившего ее в соприкосновение с целым светом, не позволяло ограничиться покорением населявших ее народов в обыкновенном значении этого слова. Не было другого средства укрепить эту землю за Рос-

сией бесспорно, как сделать ее действительно русской землей.

Меры, пригодные для восточного Кавказа, не годились для западного. Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все побережье.

Надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие.

Изгнание горцев и заселения западного Кавказа русскими — таков был план войны в последние четыре года. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания. Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности (...)

Густые массы черкесского населения занимали равнины и предгорья: в самих горах жителей было мало. Главная задача черкесской войны состояла в том, чтобы сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться; а затем перенести к подошве гор самое основание наших операций (...)

Горцы потерпели страшное бедствие: в этом нечего заператься, потому что иначе и быть не могло. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, потому только, что горцы не хотели покориться.

Надо было истребить горцев наполовину, чтоб заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины, дети. Когда горцы скопились на берегу для выселения в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин.

При наших погромах множество людей разбегалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где нога человека прежде не бывала». [Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. СПб., 1865]

Российские историки царской поры и участники тех событий писали вполне откровенно — жили они еще до эпохи политкорректности, во времена расцвета колониализма.

Так что тогда скрывать что-либо русские не считали нужным.

По официальным (и заниженным) российским данным из более чем миллиона адыгов (черкесов) погибло в войне свыше 400 тыс. человек, было выселено 497 тыс. человек, на исторической родине осталось около 80 тыс. Одну адыгскую народность пехов (убыхов) депортировали поголовно, кроме 14 селений, не ушедших в Османскую империю. Их объявили военнопленными и посемейно «распылили» в Костромской губернии по различным деревням.

Вот как описывает события 1863-1864 гг. офицер русской армии Иван Дроздов:

«В конце февраля пехехский отряд двинулся к речке Мартэ, чтобы наблюдать за выселением горцев, а если понадобится, так и силою выгонять их... Поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полубьюденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо сделавшиеся добычей голодных собак... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество; но только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных тущоб... Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца. ...Весь северо-западный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между которыми сохранялись небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию». [И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 548].

Адольф Петрович Берже, российский археолог и исследователь Кавказа, в ту пору чиновник в канцелярии кавказского наместника и официальный историк Кавказской войны, прикомандированный к штабу командующе-

го русскими войсками фельдмаршала графа Н.И.Евдокимова, так описывал ход депортации в новороссийской гавани:

«Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало...» [А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII, январь. С. 170].

«Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была не утешительнее; турецкие шкиперы из жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество» [И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 548].

Официальная статистика, впрочем, неполна. Как писал тот же Берже,

«Число выселившихся душ... должно быть значительно более показанного, так как все переселенцы, отправляющиеся за свой счет на турецких кочермах из портов, нам не подвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц, а это составляет весьма солидную поправку».

Османские официальные данные за 1865 г: только за этот год в Османскую империю прибыло 520 тыс человек. Всего депортация продолжалась почти 7 лет.

Положение адыгов, оставшихся в России, также было тяжёлым. Долгие годы кавказской войны вызвали крайнее ожесточение между ними и казаками, и теперь казаки мстили черкесам.

«Горцы до такой степени запуганы последними событиями, что не оказывают со-

противления никому и никогда, что бы с ними ни делали.

Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станицу для продажи своих произведений, казак дает ему, что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон... Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал ставропольский полк и многие станицы по Кубани и Лабе, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал крымский полк... Бывают насилия и покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами» [Р. А. Фадеев. «Дело о выселении горцев», Собр. соч. СПб., 1890. Т. 2. С. 71]

«Кроме распада общественного быта закубанские черкесы испытали в последнее время такое невероятное нравственное потрясение, что им уже невозможно от него оправиться, они отданы во власть России как малые дети.

Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, что бы с ними ни сделали, и малейшее снисхождение примут как благодеяние. Едва веришь глазам, смотря, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь на своей земле, в глухом лесу робко сторонится перед встречным крестьянином, мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились постигшей их участи и безропотно переносят непрерывные притеснения и насилия от соседей своих казаков и всякого чужого человека. Даже глядеть они стали какими-то рабами польского пана. Подобной деморали-

зации никогда не было видно. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запуганную толпу, которой правительство может дать какое угодно направление... Нечего больше опасаться напуганных и истер-

занных остатков черкесского населения». [Р. А. Фадеев. «Дело о выселении горцев», Собр. соч. СПб., 1890. Т. 2. С. 65].

Продолжение следует

AVRAHAM SHMULEVICH

Political scientist (Israel)

HISTORY OF THE RUSSIAN-CIRCASSIAN WAR

Summary

The last outbreak of hostilities between Russian troops and the Adyghe occurred in 1878. The deportation of the remaining Adyghe to Turkey did not cease until 1910, sometimes several thousand people per year. In 1888, 3,421 people were expelled, in 1890 - 9,153 people, in 1895 - 3,999 people. On March 9, 1857 (seven years before the end of the Caucasian War), the government of the Sultan adopted a law on the resettlement of the highlanders of the North Caucasus to the territory of the Ottoman Empire, which promised that: anyone wishing to move to Turkey will be under the personal protection of the Sultan; the lands provided to the settlers are exempt from all taxes; everyone who moves to Thrace is exempt from military service for 6 years, and to Anatolia - for 12 years. In 1860, three years after the adoption of this law, the Administration for Muhajir (Emigrant) Affairs was established in the Ottoman Empire [Fasih Baderkhan. «The North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (the second half of the 19th - first half of the 20th century)». Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. p. 25.]. However, as a modern Russian historian, one of the leading experts on Adyghe history, Professor Anzor Kushkhabiyev writes: «On the Ottoman coast of the Black Sea, the Circassian exiles found themselves in rather difficult conditions. Local authorities, not expecting the arrival of such a significant number of Circassians, did not have time to provide them with temporary housing and a minimum of food. The exiles were housed on the coast in tents, empty barracks, etc. Fearing the spread of epidemic diseases among the local population, the authorities created quarantine camps along the coast where the Circassian exiles had gathered. Epidemic diseases (typhus, smallpox), food shortages, and inability to adapt to new climatic conditions caused the death of a significant number of exiles. The Ottoman authorities took certain measures to assist the Circassian exiles. State funds were allocated for their needs; a campaign to collect donations was launched. However, despite these measures, the assistance received by the exiles was insufficient and did not always reach their destination. According to eyewitnesses, in 1863-1864 the number of Circassian exiles who died in the Ottoman Empire amounted to over 100,000 people. According to official data from the Ottoman government in 1867, the number of Circassian exiles in the Ottoman Empire (excluding those killed) was 595,000 people.» Review of D. Syromyatnikov's article «War as a means of constructing a nation.»

A Circassian officer of the Turkish army, Nuri, who endured the hardships of emigration, later recalled: «... We were thrown like dogs into sailboats; suffocating, hungry, ragged, sick, we awaited death as the best for our fate, nothing was taken into account: neither extreme old age, nor illness, nor pregnancy!

All the money that your (Russian) government allocated to support the settlers, it all went somewhere, but where? We didn't see them, we were treated like cattle, we were dumped on common beds by the hundreds, without distinguishing who was healthy, who was sick, and thrown out on the nearest Turkish shore. Many of us died, the rest were stuck wherever they could.»

Soon after, Generals Nuri Pasha and Yusuf Izzet Pasha, having formally resigned from the Ottoman army, took up the posts of commanders-in-chief of the armed forces of Azerbaijan and the North Caucasus, respectively. Many of the officers and soldiers under their command also expressed their willingness to remain in the Caucasus, having concluded military contracts with the aforementioned republics.